

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б19

Художественное оформление серии
Е. Окольциной

Баклина, Наталья.

Б19 Семь капель счастья / Наталья Баклина. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-100057-8

Инне двадцать пять, а в личной жизни у нее сплошные разочарования. Вся ее семья — активная и неунывающая бабушка. Единственная радость — работа в провинциальной телестудии, где платят гроши. Казалось бы, появление перспективного жениха на горизонте — подарок судьбы. И первое совместное путешествие обещает стать началом новой жизни. Только вот совсем не той, что представлялась девушке.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100057-8

© Никифорова Н., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Все события романа вымышлены,
совпадения случайны.*

Глава 1

— Какой мужик! Нет, ты только погляди, какой мужик! Интересно даже, каким ветром его занесло в нашу дыру!

Режиссёр Оксана смотрела на монитор, крупно показывающий мужское холёное лицо, и только что не облизывалась. Отвлекалась, конечно, от прямой своей работы, но вполне могла себе позволить. Беседу операторы писали двумя камерами, Оксана переключала их по давно отработанному алгоритму: секунд сорок общего плана, потом секунд двадцать — гостя студии крупно, потом — опять общий план. Правда, на Ирэну, которая вела эту беседу в студии, внимания камеры не хватало. Её можно было бы и почаще крупно брать, но крупные планы Ирэны в алгоритм не вписывались. Ну да не беда. Ведущую можно и отдельно снять, какая Ирэне разница, когда кивать и улыбаться. Закончат беседу, быстренько доснимут перебивки, Оксана поколдует с ними в монтажной, и получится у неё вполне приличное интервью минут на пятнадцать. Не работа — курорт! Отчего бы и не поглазеть на мужика, раз уж так понравился. Вполне могла себе позволить.

— Какой взгляд! А как говорит! — позволяла себе Оксана. — Инка, ну ты только глянь!

Инка и глядела, и слушала. Глядела за компанию, а слушала по обязанности: сглупила она, решив писать беседу на петличку, надо было объёмный микрофон заводить. Но кто же мог предположить, что этот Оксанкин красавец начнёт вещать таким зычным голосом! Тихий вроде был, говорил негромко, а тут вдруг начал такие рыки выдавать — только и успевай звук на пульте зажимать, чтобы помехи не лезли.

— Вы только представьте себе, — выдал гость студии очередную зычную модуляцию, — никакой химии, никаких синтезированных соединений. Никаких добавок, чужеродных женскому организму!

— Да зачем же он так голос форсирует! — поморщилась Инка, быстро микшируя звук.

— Ваш рассказ похож на сказку! — щебетнула по второму звуковому каналу Ирэна, и Инка одобрительно кивнула столбику её звука: всё в пределах нормы, молодец.

— Абсолютно с вами согласен, — собеседник, подстроившись под её щебет, заговорил тише, и теперь Инке пришлось добавлять уровень звука. — Преображение, которое происходит с женщиной после применения этого комплекса, выглядит поистине сказочным. Но сказки тут никакой нет, всего лишь разработки отечественной... я подчёркиваю — отечественной! — косметологии.

Подчёркивая, гость опять разразился зычной модуляцией, но Инка успела зажать звук на полсе-

кунды раньше. Надо же, приноровилась к его ритму! И теперь будто чувствует, когда этот дядечка собирается мурлыкать вкрадчиво, а когда — гудеть иерихонской трубой.

— Нет, точно, решено, после записи иду с ним общаться! — не унималась Оксана. — Позову его на монтаж интервью. Посидим рядком, поклеим ладком, глядишь, чего и склеится. А, как ты думаешь, есть у меня шанс?

Инка подумала. Оксана, сорокалетняя мать-одиночка, была женщиной миловидной: круглое лицо с ямочками на щеках, тёмные пышные волосы, аккуратно заправленные за маленькие розовые ушки, круглый подбородок — немного, совсем слегка, оплывший. Чуть полноватая, и от того мягкая, аппетитная, как булочка, она была славной и очень уютной. Инка даже иногда думала, что такой, наверное, была бы её мама, доживи она до Оксаниных сорока лет — мягкой, домашней, уютной. Но мама дожила только до тридцати, и поэтому навсегда осталась в Инкиной памяти молодой весёлой круглолицей хохотушкой.

А вот мужчина — камера опять давала крупный план — уютным не был. А был скорее обволакивающим: искренне обещающий взгляд, открытые жесты, доверительные интонации. А если говорить о красоте, то дядька этот, на её взгляд, был скорее не красив, а внушительен, что ли. И породист! — обрадовалась Инка, подобрав определение. Эдакая породистая вальяжность была и в том, как он сидел за столом, как держал красиво седеющую у висков

голову, как подпускал эти свои бархатно-раскати-
стые модуляции, как оглаживал аккуратную про-
фессорскую бородку.

— Ну что, иду на приступ? — опять спросила
Оксана, покусывая нижнюю губу.

— Иди, — разрешила Инка, — попробуй. Хотя,
если честно, я не вижу, чтобы он был таким уж кра-
савцем...

— А енто потому што молодая ты ишшо
и глу-пы-яя! — сказала Оксана старушечьим го-
лосом. — Хотя в твоём возрасте ещё простительно
шалеть от красивеньких brutальных «мачиков».

— По себе, что ли, судишь? — фыркнула, не
обижаясь, Инка.

— Ага. Я в твои двадцать пять насмерть втре-
скалась в одного такого мачу. И в результате —
вон, Димка мой, лоботряс-оболтус получился. На
этом — вся любовь.

— Ладно тебе, Оксан, хороший у тебя Димка по-
лучился, красивый мальчик.

— Ага, красавец. Весь в папу. И та же кобелиная
натура прорезается. Девчонки, вон, дома телефон
нам оборвали, всё Диму просят позвать. Я ему так
и говорю: «Димка, если вырастешь похотливым
козлом, как твой папаша, — проклянун!»

— Не круто ли берёшь, Оксанка, ему же ещё лет
мало совсем. Пятнадцать есть?

— Будет в декабре. И ничего не круто, пора уже
для профилактики. А то когда девки от него зале-
тать начнут, поздно уже будет спохватываться!

— Столовые клетки — это поистине револю-

ционные технологии двадцать первого века! — добавил громкости Оксанкин красавец. Инка метнулась зажимать звук, а Оксана вернулась мыслями к предмету:

— Ты только посмотри: холёный, уверенный в себе, состоявшийся. Явно умён, ценит зрелую женскую красоту, умеет делать деньги. Какие там мачо! Вот этот — настоящий мужик!

— Оксанка, ну откуда ты знаешь про его деньги и про зрелую красоту? — удивилась Инка. — Ты ведь его за десять минут до записи впервые в жизни увидела!

— Увидела и сразу всё про него поняла, — Оксана внимательно разглядывала лицо в мониторе. — Если человек имеет дело с косметикой, которая стоит три тысячи за комплекс, то и красоту ценит, и зарабатывать умеет. Ты наши расценки знаешь? Он Петьке за съёмку и эфир не меньше трёх штук баксами отвалил.

— А про ум ты откуда узнала?

— Оттуда же. Дурак так говорить и так смотреть не сумеет — видно будет, что индюк индюком. А этот — сокол!

— Скорее тетерев: и токует, и токует, — не согласилась Инка, которую уже начал утомлять этот контроль за уровнем звучания непредсказуемого сокола.

— Спасибо вам, Николай Евгеньевич! — словно услышала её Ирэн и улыбнулась в камеру, которую оператор догадливо перевёл на неё. — Думаю, наши телезрительницы получили искреннее удо-

вольствие от беседы с человеком, который умеет не только ценить зрелую женскую красоту, но и делать её неувядающей!

— Вот, что я тебе говорила? — обрадовалась Оксана, как будто Ирэн добавила аргументов в споре, хотя Инка спорить и не думала.

— Стоп, снято! — крикнула Оксана в микрофон. — Всем спасибо! Мальчики, доснимите Ирэн на крупняках, пожалуйста! А я выйду сейчас.

Всё, Инка, я пошла завязывать отношения! — отключила Оксана микрофон и вышла из аппаратной, отделённой от студии стеклянной стеной. Через неё Инка вскоре и наблюдала беззвучную пантомиму. Вот гость студии целует ручку Ирэн, и та благосклонно розовеет. Вот Оксана что-то втолковывает этому Николаю Евгеньевичу, и он смотрит внимательно, кивает, поднимается с места, оказавшись невысоким, с Оксану, ростом. Вот вытаскивает из пиджака что-то, похоже, визитку. Протягивает её Оксане, говорит что-то, и теперь та кивает, поворачивается, идёт. И этот дядька идёт следом.

— Вот, пожалуйста, — гостеприимно распахнула двери аппаратной Оксана, и пантомима тут же превратилась в спектакль. — Здесь мы завтра с одиннадцати будем монтировать сегодняшний материал.

— Очень интересно! — огляделся гость и задержал взгляд на Инке. — Позвольте представиться, Николай Мелихов, разработчик косметической линии «Фемина».

— Да, я знаю, косметика для пожилых, — кивнула Инка. — Я вашу беседу записывала.

— Это Инна, наш звукорежиссёр, — сверкнула на неё очами Оксана, и в воздухе словно повис её немой вопль: «Ну что ты несёшь!»

— Очень приятно, Инна! — вдруг протянул руку Николай Евгеньевич, и Инка от неожиданности привстала и подала свою. Где-то на задворках сознания пронеслись мысли, что мужчине вроде бы невежливо первому подавать руку. И что не менее невежливо игнорировать жест пожилого человека. А он уже пожилой, седой вон, старше её лет на двадцать...

— Очень приятно, — повторил Николай Евгеньевич, пожимая ей пальцы и задерживая их в ладони. — Скажите, Инна, а вы свободны сегодня вечером?

— Что? — оторопела Инка, краем глаза замечая, как вытягивается лицо у Оксаны. Он что, дядечка этот, на свидание её хочет пригласить?

— Вы знаете, нет, не свободна. Мы с бабушкой вечером моем окна, и я буду сильно занята.

— Очень жаль, — бархатно сказал Николай Евгеньевич и опять пожал Инкины пальцы. Та спохватилась и отняла руку. — А я уже начал надеяться, что вы покажете мне ваш чудный город...

— А вы Оксану пригласите, и она вам всё покажет! — окончательно пришла в себя Инка. — А из меня плохой экскурсовод, извините.

И она вышла из-за пульта и быстро ушла из аппаратной. Вот ещё! Надеется он!

Запись беседы с этим косметологом-производителем была последним делом на сегодня, и Инка

с чистой совестью засобиралась домой. Впрочем, чистота эта слегка замутилась: неожиданные заигрывания предмета Оксаниного интереса на глазах у самой Оксаны оставили лёгкий привкус вины. «Вот ещё! — фыркнула Инка, поймав себя на этом привкусе. — Я что, заигрывала с этим Николаем Евгеньевичем? Или повод ему давала? Он сам ко мне пристал. Седой уже, а туда же: «Что вы делаете сегодня вечером?» К Оксанке пусть пристаёт!»

Инна оделась, вышла из студии и уже шагала по тротуару, сердито топчя жёлтую, облетевшую с клёнов листву. Но всё ещё видела изумлённо-расстроенный взгляд Оксаны и всё ещё продолжала мысленно твердить, как будто оправдываясь: «Нужен мне этот старик! Седой уже, а туда же!» Она перестала злиться, только пройдя почти всю кленовую аллею и почти дотопав до автобусной остановки.

Несмотря на середину сентября, день выдался солнечный и тёплый. Небо отдавало такой нежной голубизной, а листья — и те, что послушно шуршали в такт её сердитым шагам, и те, что всё ещё одевали клёны багрянцем и золотом, — были такими празднично-яркими, что она переключилась на эту красоту и решила прошагать ещё пару остановок. «В конце концов, нужно же и свежим воздухом иногда дышать, и солнышко ловить, хотя бы такое, осеннее, на исходе дня. — Инка остановилась и подняла лицо к солнцу, прикрыв глаза. — А то ведь всё лето просидела в монтажной, не заметила, как пролетело».

Всё лето в монтажной она просидела потому, что Петька Дронов, их генеральный директор и владелец телестудии, нашёл заказ — снимать видеоклипы для какого-то продюсера. Работали они так: Петька кидал идеи, Оксана раскладывала их на видеоряд, снимала, затем они с Инкой по очереди всё это монтировали, а затем Инка сводила картинку со звуком. Работа была интересной, но малоденежной — так, несколько тысяч рублей премии. Петька считал, что эти вещи они на студии должны делать за зарплату. Инка тогда и не спорила.

Сейчас же, вспомнив, как всё лето просидела в монтажной, она вдруг почувствовала раздражение. И почему это она проковырялась с этими роликами, практически никуда не выбираясь из города? И вообще, что-то слишком много она должна делать для Петьки «за зарплату», которая — курам на смех, хватит на три банки дорогущего крема этого громогласного косметолога. И бабушкиной пенсии — ещё на банку. Доходы у них с бабушкой — не фонтан. Если бы не Инкины шабашки с подработками — сидеть им с бабулей на хлебе и воде.

Инка вздохнула — шабашки были ещё одной причиной, почему она всё лето просидела в монтажной. Шабашки были «левые», Дронов о них не знал, а Инка без зазрения совести использовала его аппаратуру для своих надобностей. С подработками выручали студенческие связи: то кавээнщики из университетской команды попросят фонограммку к выступлению сделать или съёмки с вечера в божеский вид привести, то мальчишки с их бывшего

курса, вдруг открывшие свой клуб, на концерт позовут на звуке посидеть. В итоге к основной Инкиной зарплате набегало ещё примерно столько же. Хотя и со студенческими приятелями не обошлось без благотворительности. В августе, набив за лето руку на Петькиных роликах, Инка по их просьбе сделала ролик для начинающей певицы. Девчонка обладала потрясающей внешностью: тонкая ломкая фигурка, фарфоровой матовости лицо, точёный нос, глаза миндалевидной формы, прямые густые блестящие волосы, остриженные каре. Голос у девчонки был не менее потрясающим — большого диапазона, с хрипотцой на низких нотах и запредельной чистый на верхнем до третьей октавы. Инка придумала снимать её на крыше — песня была про полёт. И ролик получился лёгким, воздушным, а ломкая фигурка — готовой взмыть в небо, вслед за летящим ввысь голосом... Девчонка смогла заплатить немного, да и то Инка почти всё раздала оператору Васе и Славику, добавившему ролику компьютерной графики.

Петьке же его заказчик за клипы платил щедро. Оксана, когда разузнала, сколько, ахнула. Каждый ролик стоил, как две их зарплаты вместе взятые да на три умноженные! А они за лето их девять штук наваяли! Нажился на них Петька, ох, нажился! А и не скажешь ничего. Оксане в качестве режиссёра в городе ловить нечего. На государственный телеканал не возьмут, а на других коммерческих такой отстой, что сама туда не захочет. Да и Инке тоже страшно вато как-то срываться с насиженного ме-

ста, два года всё-таки уже с Петей работает, привыкла. Хотя, если бы подвернулся вариант, она, может быть, и ушла. Только ничего не подворачивалось, а искать новое место самой — не настолько Инне надоело на студии. В её работе и плюсов достаточно: хотя бы техника вполне новая, да и Петя при всём своём жлобстве не мешает заниматься творчеством.

Вот только творить надо как-то менее интенсивно — Инка вдохнула полной грудью и наклонилась за красивым разлапистым красно-жёлтым листком. А то если сидеть всё время в студии, то она и в свои двадцать пять рискует приобрести землистый цвет лица, мешки под глазами и все прочие прелести, от которых так замечательно помогают средства этого Николая Евгеньевича. Как там называется его линия? «Фемина»? Она покрутила лист в руке и вдруг как будто снова услышала бархатный голос Мелихова и ощутила покалывание в пальцах, которые он пожимал. Ощутила и нахмурилась, раздражённо отбросив листок. «Блин, да что за наваждение! Этого мне только и не хватало! Я что, запала на этого мужика? Ну, Инка, докатилась. Нет, точно, пора как-то устраивать свою личную жизнь!»

Пора. Легко сказать. Сделать труднее. Как её устраивать-то, эту жизнь? Так получилось, что за свои двадцать пять лет Инна пережила всего две любовные истории. Хотя первую историей-то можно назвать с натяжкой. Так, девчачья любовь к ботанику Лёше из параллельного класса. К ботанику не в смысле любителя растений, а в смысле тихони